

7. Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / собр. М. Забылиным. – М. : Кн. принтшоп, 1990. – 616 с.
8. Токарев, С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX века / С. А. Токарев ; Акад. наук СССР. – М., 1957. – 160 с.
9. Чыгрын, І. П. Станаўленне беларускай прозы і фальклор. Дакастрычніцкі перыяд / І. П. Чыгрын. – Мінск : Выш. шк., 1971. – 168 с.
10. Шамякіна, Т. І. Беларуская класічная літаратура і міфалогія / Т. І. Шамякіна. – Мінск : Беларус. дзярж. ун-т, 2001. – 186 с.
11. Штэйнер, І. Ф. Шматмоўная літаратура Беларусі XIX стагоддзя / І. Ф. Штэйнер. – Мінск : Беларус. навука, 2002. – 171 с.

Н. Н. Борсук

Брест, Брестский государственный технический университет

«ПАСТУХ НА ПАСТБИЩЕ СЛОВ»: МАСТЕРСТВО ТУРКМЕНСКОГО ПОЭТА КУРБАННАЗАРА ЭЗИЗОВА

Судьба отпустила Курбанназару Эзизову 35 лет. Безусловно, мало. Но если учесть, что творчество поэта-шестидесятника не оставляет равнодушным нашего современника, а поэтические произведения Курбанназара Эзизова включены в программы по литературе, изучением творчества туркменского писателя занимаются литературоведы, то достаточно долго.

Следует отметить, что Курбанназар Эзизов любил слово, умел с ним работать. На это указывал Аннаберды Агабаев, туркменский поэт: «На “литературных посиделках”, которые мы часто устраивали в шестидесятые годы, Курбанназар Эзизов нередко, заикаясь от волнения, кричал: “Да как ты смеешь так обращаться со словом!” Он произносил это с таким неподдельным гневом, будто обидели его самого близкого друга» [2].

На наш взгляд, отношение Курбанназара Эзизова к слову емко выражено в следующих строках: «Слова мои, я не зову вас в гости, Вы – это я, душа моя и плоть». Одно из любимых выразительных средств поэта – метафора: «В освободительный рассвет / с радостью окунаюсь»; «Я и сам к вам иду, до кровинки себя выгребая, / Так, чтоб вы ощутили моих бескорыстных тепло...». Эти поэтические строки свидетельствуют об открытости души творца перед читателем. Поддержать людей в сложную минуту, доставить наслаждение, когда человека переполняет радость, – это кредо туркменского поэта.

В творчестве Курбанназара Эзизова важное место занимает философское начало. Оно прослеживается в зарисовках о природе: «Я снова вернулся в места, где родился, / Увидел, что звезд стало больше на небе. / И, глядя с печалью на ивы, напился / В тени их, как прежде, / Воды из пригоршни». Герой туркменского поэта способен увидеть на Ай-дере «облака-валуны» в вечерние сумерки, ущелья, «опьяненные на зеленом пиру весны».

До глубины души трогают читателя воспоминания поэта о родных людях (матери, отца, деде), стихи на тему войны (тогда поэту было шесть лет). «Сороковых романтики» – так лирический герой Курбанназара Эзизова

обращается к поколению, прошедшему войну. Для Курбанназара Эзизова этот образ символизирует надежду на счастье, воцарение мира, душевное тепло и человечность, которые удастся сохранить в тяжелых условиях послевоенных лет. Образ-символ не только помогает туркменскому поэту «прорваться» сквозь покров повседневности, но и требует от читателя ответной творческой работы.

Лирический герой дорожит трепетными отношениями с матерью, но стремится быть самостоятельным: «Начинаю иное движение, / Строю свой лад и свой стих, / Преодолев притяжение / Рук материнских твоих»; «Начинаю иное движение / И по орбите иной, / Преодолев притяжение / Своей / колыбели земной». Безусловно, образ-символ у Курбанназара Эзизова многозначен, содержит в себе перспективу безграничного разворачивания смысла. Эта черта мастера слова не остается без внимания читателей. На примере творчества туркменского поэта не сложно убедиться в правоте слов Федора Сологуба, который писал: «Символ – окно в бесконечность»; «И млеко / Млечного пути / Попробовать хочу». Образ «млеко» вбирает в себя те сложности, что встретятся на творческом пути писателя. «Переулки и улицы – артерии городов» – это строки об ответственности перед семьей, Отечеством. Поэт верит в силу любви: «Влюбленный – наследник красот земных, / Сбереженных от холода и огня».

Через сравнение карандаша с антенной поэт очерчивает обстоятельства, при которых он занимается творчеством: «Карандаш мой – антенна: из обрывков житейского гула / Он одно лишь “спа-си-те!” вбирает в себя по слогам». В стихотворении «Омар Хайям», создав комическую сценку, как получают в одной кассе гонорар Фирдоуси, Хайям, Кемине и другие известные поэты («Там каждый гений, мучась в одиночку, / Сопоставлял бюджет и божий дар. / Догадок лишь Фирдоуси не строил, / Свой Шахнаме народу подаря. / Тираж велик, и, в очереди стоя, / Он знал, хитрец, что он стоит не зря»), поэт приходит к выводу: творческая личность должна слушать сердце, поэзия не подвластна голосу разума: «И путаясь меж запятых и точек, / Вновь заготовки перебрал свои / И выбрал из ста тысяч с лишним строчек / Всего четыре он – для рубай».

О роли искусства в жизни человека Курбанназар Эзизов рассуждает в одноименном стихотворении. Тут робкая попытка мастера слова дать поэтическое определение понятию «искусство» («Так что же искусство! / Работа в поту, / когда у тяжелой у каменной глыбы / резец удаляет все лишнее, ибо / из камня лишь так создают красоту!»). Сравнения («Ты – мастер, себя самого овелир! / И должен себя постоянно выгравировать»), которые использует Курбанназар Эзизов в поэтических творениях, помогают осмыслить принципы, которых должна придерживаться творческая личность: «Будь держан в искусстве! / Ни в чем не спеши, / ведь не излишествам строгая форма, / а замыслам ясным бывает покорна. / Ты мир из своей изваяешь души; / И ты не у шумных потоков учишься, / а лучше учишься ты у Волги, / у Нила – / течет не спеша величая сила, / и в ней отражается звездная высь».

Перу туркменского поэта подвластны различные поэтические жанры. Не оставляет равнодушными читателей «Колыбельная на яйле». Это не просто поэтические строки. Это молитва, оберег, напутствие («За часами дни нагрянут, / месяцы годами станут. / Ты в седло – наступят сроки – / сядешь, строен и

подтянут»), лекарство от всех недугов, ощущение присутствия рядом родного, любимого человека («Сердце матери, как порох, / сердцу матери – сын дорог. / День и ночь о сыне думы. / Думы сына – о просторах»; «Дерево плоды качает – / так ребенка мать качает. / Камни, что бросают в сына, / в мать родную попадают»).

Наше поколение в творчестве туркменского поэта Курбанназара Эзизова привлекают, безусловно, философские рассуждения над различными жизненными ситуациями. «Тот, кто мать не любит, – / тот не любит людей, / тот, кто людей не любит, – не любит страны / своей, / тот, кто страны своей не любит, – не любит / планеты всей! Поэзия – не поза, не фарфор, / поэзия – души преображенье!»; «Дерево любви не высохнет вовек – / Вся суть твоя вот в этом, человек!» – утверждает поэт в венке сонетов. С этими словами нельзя не согласиться, а жанр, в котором поэт рассуждает о силе любви, достоин настоящего мастера.

Лирический герой венка сонетов – умудренный жизненным опытом человек. Тяжесть прожитых лет давит грузом воспоминаний. Они сконцентрированы в образах-символах: вокзал, война, снег, окрашенный кровью, Буг, Берлин, разрывы, теплая землянка, тополь... В них отражены смертельные мгновенья, которые довелось пережить герою Курбанназара Эзизова: «У Буга я лежать в земле остался. / Я в землю врос – и, глядь, опять живой. / Упал возле Берлина – не поднялся. / И умер я... / И снова встал живой!» Его терзает один-единственный вопрос, на который герой не может дать ответ: «Я ж почему-то жив один из всех?». На наш взгляд, данная поэтическая строка воспринимается не столько с вопросительной интонацией, сколько с утвердительной. Остался жить – значит должен жить в полную силу, творить, любить.

Образ дороги выступает связующим звеном всех влюбленных: «Дороги всех влюбленных собирают»; «Возлюбленных дороги разлучают»; «Назад ведут, как будто в никуда». Метафоры, олицетворения, эпитеты, сравнения и другие выразительные средства, которые использует поэт и переводчик, раскрывают чувства героев на дорогах встреч («Душа в скитальческих одеждах доверчиво стучится в дверь твою»; «Любовь для нежности открыта»; «Радость на душе моей чиста» и др.), расставаний («Один я – звезды меркнут надо мною»; «печаль желта»; «в суровом городе печали» и др.). Любовь герой Курбанназара Эзизова пронес «сквозь огонь и воду», «сквозь несчастья и успех», ибо понял простую истину: «И я умом медлительным постиг, / Что прозревает дух от вечной жажды, / И что дается нам любовь однажды, / Как раз дается жизни краткий миг». Лирический герой – творческая личность. Поэтому свою задачу как мастер слова видит в прославлении великого чувства «песенной строкой»: «Пройду моря и все огни я вновь – / Пусть из огня с водой родятся строки. / Из мужества рождается любовь, / И мужества любви приходят строки».

Тематическим и композиционным ключом венка сонетов выступает также образ солнца – силы, способной изгнать печаль, принести душевное успокоение: «Большое солнце / Вновь взойдет над нами, / Как будто день был позван пегухами»; «Лучи его влюбленных согревали, / Лучи его дарили людям день. / Необходимо спрятать нам печали, / Как прячется от света солнца тень».

К сожалению, венки сонетов туркменского поэта нельзя назвать совершенным (отсутствует магистральный сонет, последняя строка не повторяет, а передает только смысл первой строки венка сонетов). Нельзя не учитывать тот факт, что знакомимся мы с творчеством Курбанназара Эзизова в переводе. Тем не менее венок сонетов туркменского автора воспринимается нами как смелый эксперимент мастера слова обратиться к жанру сонета для поэтизации чувства любви. Неудивительно, что многие строки из произведения воспринимаются как афоризмы: «Всех, кого ждут, / И всех, кто верно ждет, – / Весь этот мир – итог. Круговорот»; «Любовь победна! / Рано или поздно / Полюбите друг друга вы навек».

Мастер слова Курбанназар Эзизов любил повторять: «Себя я чувствую пастухом на пастбище слов». Познакомившись с творчеством туркменского поэта, приходим к выводу, что поэт был требователен к себе, к своему творчеству, ничего не делал напоказ, в его поэтических строках ни тени неискренности.

Список использованной литературы

1. Эзизов, К. Два дерева : стихи / К. Эзизов ; пер. с туркм. В. Цыбина. – М. : Совет. писатель, 1972. – 119 с.
2. Мурадов, Р. Курбанназар Эзизов: волшебный порядок слов [Электронный ресурс] / Р. Мурадов. – Режим доступа: www.turkmenistan.gov.tm/ru/post/35348/kur. – Дата доступа: 12.03.2020.

М. Р. Гарбачык

Брэст, Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна

ГРАМАТЫЧНАЯ КАТЭГОРЫЯ ЧАСУ ДЗЕЯСЛОВА Ў БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ (НА МАТЭРЫЯЛЕ ТАРАКАНСКІХ ГАВОРАК)

Марфалагічная катэгорыя часу дзеяслова – гэта сістэма проціпастаўленых адзін аднаму радоў формаў, якія абазначаюць адносіны дзеяння да часу яго ажыццяўлення. У артыкуле даследуецца граматычнае значэнне будучага часу ў брэсцка-пінскіх (тараканскіх) гаворках. Катэгорыя часу дзеяслова ў тараканскіх гаворках цесна звязана з катэгорыяй трывання. Дзеясловы незакончанага трывання ў абвясным ладзе маюць тры формы часу: цяперашняга (клян, чытаю, сію, кошу, дывлюся), складанага будачага часу (клястэму, чытацьму, сіяцьму, косцьму, дывэцьмуся), састаўнога будачага часу (буду клястэ, буду чытаць, буду сіяць, буду косць, буду дывэцься); прошлага часу (клев, чытаў, сіяў, косэў, дывэўся). Дзеясловы закончанага трывання маюць дзве формы часу: прошлага (проклев, прочытаў, пасіяў, скосэў, подывэўся), будучага простага часу (прокльну, прочытаю, пасію, скошу, подывлюся).

Марфалагічная катэгорыя часу ў тараканскіх гаворках уласціва не ўсім формам дзеяслова. Са спрагальных форм гэтай катэгорыяй валодаюць толькі